

Шиллер В. В., Валиуллина Е. В., Боровикова З. В.

СПОСОБЫ ДИАГНОСТИКИ И ПРОФИЛАКТИКИ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В СРЕДЕ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ РЕГИОНОВ СЕВЕРО- ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА РОССИИ

Аннотация

Объектом настоящего исследования является этноконфессиональная ситуация в России, а предметом – диагностика этноконфессиональной напряженности в молодежном сегменте северо-западных регионов страны. В статье на основе обширного полевого материала, собранного в 2019 году социологическим путем в нескольких регионах Северо-западного федерального округа по авторской программе регионального мониторинга экстремистских настроений и проявлений в молодежной среде, рассматриваются вопросы национальной и конфессиональной самоидентификации учащейся молодежи. Через серию вопросов, отражающих иерархию критериев этнической идентичности, диагностируется латентная межконфессиональная напряженность, сохраняющаяся на протяжении нескольких лет устойчивый тренд, фиксируемый в исследуемых регионах. Кроме этого, измеряется уровень неприязненного отношения респондентов к традиционным для России конфессиям с анализом сложившейся ситуации. В резюмирующей части исследования констатируются сложности конфессиональной самоидентификации у части опрошенной молодежи и отмечается наличие латентной межконфессиональной напряженности при сохранении на более высоком уровне терпимого

отношения к иным национальностям. Кроме этого, отмечается повышенный негативный фон в отношении христианства и ислама, что обусловлено довольно высоким рейтингом неоязычества в индивидуальном и массовом сознании учащейся молодежи. Часть идей радикального направления в неоязычестве является питательной средой для поддержки и развития широкого спектра экстремистских проявлений. В опоре на проведенную диагностику необходимо осуществлять информационно-профилактическую работу с акцентом на разрушение негативных стереотипов в отношении христианства и ислама. Новизной исследования является введение в научный оборот новых данных, собранных путем социологических опросов в ряде регионов России в 2018–2019 гг.

Ключевые слова: этнос, конфессия, самоидентификация, учащаяся молодежь, латентная напряженность, Северо-Западный федеральный округ, этноконфессиональный состав, диагностика, неоязычники, профилактика.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источник финансирования

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00411.

Для цитирования: Шиллер В. В., Валиуллина Е. В., Боровикова З. В. Способы диагностики и профилактики этноконфессиональной напряженности в среде учащейся молодежи регионов Северо-Западного федерального округа России // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2020. Т. 1, № 4. С. 15–20.

RELIGIOUS STUDIES

Shiller V. V., Valiullina E. V., Borovikova Z. V.

METHODS OF DIAGNOSIS AND PREVENTION OF ETHNIC AND RELIGIOUS TENSIONS AMONG STUDENTS OF THE NORTH-WEST FEDERAL DISTRICT OF RUSSIA

Abstract

The object of this study is the ethno-confessional situation in Russia, and the subject is the diagnosis of ethno-confessional tension in the youth segment of the North-Western regions of the country, based on extensive field research, collect-

ed in 2019 by sociological methods in several regions of the north-western federal district under the author's program of regional monitoring of extremist sentiments and manifestations in the youth environment, the article examines the issues of national and confessional self-identification of students.

For citation: Shiller V. V., Valiullina E. V., Borovikova Z. V. Methods of diagnosis and prevention of ethnic and religious tensions among students of the North-West federal district of Russia // Humanities and social sciences bulletin. 2020. Vol. 1, No. 4. P. 15–20.

Through a series of questions reflecting the hierarchy of ethnic identity criteria, latent inter-confessional tension is diagnosed, maintaining a steady trend for several years, recorded in the studied regions. In addition, the level of hostility of respondents to large traditional confessions in Russia is measured with an analysis of the current situation. The summarizing part of the study states the difficulties of confessional self-identification in some of the surveyed youth and notes the presence of latent inter-confessional tension while maintaining a higher level of tolerance for other nationalities.

In addition, there is an increased negative background in relation to Christianity and Islam, which is due to a fairly high rating of neo-Paganism in the individual and mass consciousness of students. Part of the radical trend ideas

in neo-paganism is a breeding ground for the support and development of a wide range of extremist manifestations. Based on the conducted diagnostics, it is necessary to carry out information and preventive work for the destruction of negative stereotypes regarding Christianity and Islam.

Keywords: ethnos, confession, self-identification, young people studying, latent tension, North-Western Federal district, ethnic and religious composition, diagnostics, neopagans, prevention.

Conflict of interest

None declared.

Source of financing

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) in the framework of the scientific project No. 19-011-00411.

Вопросы этноконфессиональной напряженности, а также способы ее диагностики и профилактики в региональном аспекте являются одной из наиболее острых и актуальных проблем современной России. Следствием напряженности являются обусловленные совокупностью факторов социально-экономического, политического и культурно-информационного порядка конфликты на национальной и религиозной почве. Большую роль в этих процессах на современном этапе играет виртуальное пространство и, в первую очередь, деструктивный контент социальных сетей, мессенджеров и популярных видеохостингов. Распространяемая в виртуальном пространстве фейковая информация влияет на формирование этнических и конфессиональных стереотипов, нанося имиджевый ущерб ряду национальностей и конфессий и порождая экстремистские настроения и проявления в обществе, которым активно противодействует государство, используя широкий спектр методов и инструментов: от законодательных и силовых до информационно-профилактических, реализуемых как органами государственной исполнительной власти, так и рядом институтов гражданского общества.

В процессе проведения информационно-профилактических мероприятий антидеструктивной направленности определяющую роль играет диагностика уровня, спектра и структуры экстремистских настроений в массовом сознании членов общества и в особенности его молодежного сегмента, склонного в большей степени к восприятию деструктивных идей в силу возрастных, психофизиологических и социально-статусных особенностей.

Научно-теоретическое осмысление проблем этноконфессиональной напряженности в обществе и формирование пакета прикладных методик, позволяющих в мониторинговом режиме на основе совокупности индикаторов оценивать уровень напряженности и степень угрозы, приходится на десятые годы XXI в.

Исследователи выявляют круг факторов, провоцирую-

щих напряженность и конфликты на этноконфессиональной основе. Определяющее влияние на эти процессы оказывает внутренняя и внешняя миграция [6], а также пропаганда идей национализма и политического экстремизма [7].

На основе теоретического осмысления проблем этноконфессиональной напряженности исследовательскими коллективами предлагаются различные прикладные методики, носящие диагностико-прогностический характер. Интересную модель математического моделирования в рамках краткосрочного прогнозирования этноконфессиональной напряженности в мониторинговом режиме на основе использования пакета прикладных математико-статистических методов предложили преподаватели Академии ФСО России из г. Орел [15].

Прогностическая модель, базирующаяся на методике измерения этноконфессиональной напряженности, оцениваемой как сложное социокультурное явление, представлена в серии журнальных статей и монографических исследований ученых-социологов Московского государственного лингвистического университета, написанных на основе обширного материала, полученного в процессе проведения серии социологических опросов в полиэтничных российских регионах [8, 9, 10, 11, 12, 13]. Согласно предлагаемому ими подходу уровень проблемности ситуации измеряется на основе расчета индекса этноконфессиональной напряженности (ИЭКН), являющегося комплексным показателем и включающего в себя измерение субъективных оценок напряженности в исторической динамике [10, с. 175]. На основе сложившихся в массовом и индивидуальном сознании представлений о существующих межнациональных отношениях на уровне страны, региона и населенного пункта, масштабах и степени проявления негативных последствий, возникших в ходе этноконфессионального взаимодействия, степени включения населения в этноконфессиональные разногласия, а также вероятности открытых конфликтов на этноконфессиональной основе формируются четыре груп-

пы индикаторов, каждый из которых направлен на выявление определенного аспекта этноконфессиональной напряженности [10, с.175–176].

Одним из практически реализуемых методов диагностики экстремистских настроений является методика регионального мониторинга экстремистских настроений и проявлений в молодежной среде, разработанная кандидатом исторических наук, доцентом Кемеровского государственного медицинского университета В. В. Шиллером и с 2015 года применяемая на территории Кемеровской области [17]. В настоящее время в рамках практической реализации методики проведено 12 волн мониторинговых замеров, опросами охвачено более 20000 респондентов из числа школьников и студентов. С 2017 года исследования проводятся совместно с ГУ МВД России по Кемеровской области. С осени 2018 г. в систему мониторинга был включен ряд регионов России, включая Архангельскую, Новгородскую, Челябинскую и Свердловскую области, а также Республику Алтай. В настоящее время мониторинговая база данных включает ответы более 60000 респондентов.

Базовыми показателями, измеряемыми в рамках мониторинговой программы, помимо экстремистских настроений, криминализации сознания и скулшутинга, являются этническая и конфессиональная самоидентификация респондентов, а также выявление латентной этноконфессиональной напряженности и измерение уровня негативного отношения к той или иной конфессии.

Продемонстрируем результаты, полученные осенью 2019 года в регионах Северо-Западного федерального округа России.

Основу выборочной совокупности в Северо-Западном федеральном округе составили 3028 человек из числа старших школьников и студентов средних профессиональных и высших учебных заведений, в том числе 1310 (43%) юношей, 1679 (55%) девушек, а 39 (2%) человек не указали свою половую принадлежность [1]. В опросе принимала участие учащаяся молодежь, относящаяся к возрастным категориям от 12 до 26 лет. В численном соотношении в обеих гендерных группах лидируют возрастные когорты 13, 14, 15, 16 и 17 лет. Из числа опрошенных 37 юношей и 17 девушек не указали свой возраст [1]. Двое опрошенных юношей указали возраст «14/88» - цифровой код, широко используемый представителями националистических кругов и поддерживающий в себе закодированное нацистское приветствие «Хайль, Гитлер!» [1].

Национальную принадлежность в целом по выборочной совокупности в той или иной форме идентифицировал 1901 человек [1]. Не определились со своей национальной принадлежностью 273 человека [1]. В перечне обозначенных респондентами национальностей присутствуют: *русские* – 2075 человек, *алтайцы* – 45 человек, *поморы* – 22 человека, *украинцы* – 19 человек, *евреи* – 17 человек, *казахи* – 6 человек, *татары* – 4 человека, *узбеки* – 4 человека, *немцы* – 3

человека, *эстонцы* – 3 человека [1]. В группу «*другие национальности*» мы объединили встречающихся в выборке по несколько человек *армян, белорусов, грузин, бурят, лезгин, дагестанцев, тувинцев, азербайджанцев* и др. общей численностью 31 человек [1].

Политонимом «*россияне*», характеризующим сложившееся гражданско-политическое самосознание, себя обозначили 48 человек, «*русским народом*» обозначили себя 19 человек [1]. В выборке оказались представители специфических национальностей, включая такие идентичности как *славяне* — 97 человека, «*негр*» – 3 человека, «*русичи*» – 2 человека, «*арийская раса*» – 1 человека, «*ариец*» – 2 человека, «*высшей расы*» — 1 человек, «*рус*» – 1 человек, «*нацист*» – 1 человек, «*арийской нации*» – 1 человек, «*русские вперед!*» — 1 человек, «*славяно-арийской*» – 1 человек, «*руССкий*» – 1 человек [1].

Конфессиональную принадлежность вместо этнической указали 58 человек. Из них 4 человека отметили себя как «*мусульмане*», 4 человека назвали себя «*православными*», а 20 человек идентифицировались как «*христиане*» [1].

Еще одним охватываемым методикой показателем является определение респондентами своей конфессиональной принадлежности. Свое отношение к религии из 3028 опрошенных указали 2061 человек. Часть респондентов в количестве 967 человек (32 %) не стали заполнять эту графу [1].

Варианты ответов на вопрос о религиозной принадлежности выглядят следующим образом: *христиане* — 816 человек (27%), *православные* — 471 человек (16%), *атеисты* — 347 человек (11%), *мусульмане* — 38 человек (1%), *агностики* — 37 человек (1%), *язычники* — 27 человек (1%), *пастафариане* — 12 человек (0,3%), *буддисты* — 11 человек (0,3%), *славяне* — 11 человек (0,3%), *сатанисты* — 7 человек (0,2%), *католики* — 4 человека (0,1%), *иудеи* — 2 человека (0,1%) [1]. Не отнесли себя ни к какому вероисповеданию 77 человек (3 %), *не определились* — 56 человек (2%) [1]. По одному респонденту дали ответы «*Культ смерти*», «*Фашизм*», «*ИГИЛ*» и «*Абдуловера*» [1]. Шутливые ответы дали 58 человек (2%) [1].

Христианство и православие мы разделили на разные категории исходя из того, что христианами довольно часто себя называют в первую очередь протестанты либо люди, не принадлежащие конкретной церкви, но считающие себя христианами. Респонденты, идентифицирующие себя как христиане, иногда добавляли слово «*православные*». В этом случае при подсчетах мы их включали в группу «*православные*».

В целом выстроенная в рамках этих замеров иерархия религиозной принадлежности и предпочтений довольно типична для других регионов страны. Лидирующие позиции занимают христиане, потом следуют православные и атеисты.

В целом анализируя данные, отражающие конфессиональную стратификацию, можно констатировать, что поч-

ти у трети респондентов, попавших в выборочную совокупность, конфессиональная идентичность не сформировалась, что *делает опрошенную молодежь потенциально уязвимой для пропаганды любых деструктивных идей на религиозной основе.*

В рамках программы мониторинга респондентам был предложен вопрос, звучавший как «Что значит быть человеком вашей национальности»? Ответы на него позволили нам сформировать перечень идеальных критериев, которыми характеризуется конкретная национальность.

Большинство респондентов отметили, что их национальности присущи такие черты как *честность* (1719 человек – 57%), *доброта* (1623 человека – 54%), *любовь к родной земле* (1811 человек – 60%), *любовь к своей стране* (1614 человек – 53%), *толерантное отношение к другим национальностям* (1568 человек – 52%), *знание истории своей страны* (1327 человек – 44%), *отзывчивость* (1157 человек – 38%) [1].

От четверти и выше опрошенных выбрали *знание истории своего народа* — 34% (1016 человек) и *здоровый образ жизни (ЗОЖ)* — 30% (912 человек), *терпимость к другим вероисповеданиям* — 26% (801 человек), а также *занятия спортом* — 25% (760 человек) [1].

Незначительный удельный вес набрали критерии «*Быть представителем определенной религии*» – 7% (211 человек), «*Владеть боевыми навыками в области какого-нибудь единоборства*» – 7% (202 человек), «*В совершенстве владеть холодным оружием*» – 5% (155 человек), «*В совершенстве владеть огнестрельным оружием*» – 5% (140 человек), «*Носить национальную одежду*» – 4% (133 человека), «*Предпочитать исключительно национальную кухню*» – 3% (98 человек) [1].

Сопоставление удельного веса некоторых критериев дает довольно интересные результаты. Так, религиозную терпимость как черту, характеризующую национальность, отметили всего 26% респондентов, что в половину ниже национальной терпимости, которую выбрали 52% опрошенных [1]. Это может трактоваться как проявление более низкого уровня религиозной терпимости к представителям других вероисповеданий и свидетельство того, что *конфессиональный фактор имеет более серьезный конфликтогенный потенциал, нежели этнический.* Подобная тенденция фиксируется нами и в других регионах, где проводятся исследования по данной программе. Например, по данным опросов 2018 г. в Кемеровской области толерантность к другим национальностям отметили 49% респондентов, а терпимость к другим вероисповеданиям – 20%, в Республике Алтай 49% против 21%, а в Челябинской области это соотношение составляет 47% и 19% соответственно [2, 3, 4].

Этот же вопрос мы дополнительно обработали по самой многочисленной этнической группе, представленной в выборке, – русским.

Сравнительный анализ результатов, полученных по русской группе, с общими итогами в целом по выборке не имеют серьезных расхождений. В русской группе немного выше удельный вес некоторых позиций, включая *толерантность к другим национальностям* (52% против 55%), *любовь к родной стране* (53% против 54%), *знание истории своей страны* (44% против 46%), *отзывчивость* (38% против 40%), *знание истории своего народа* (34% против 35%), *терпимость к другим вероисповеданиям* (26% против 31%) [1]. В целом по данным русской группы можно отметить разрыв между *толерантным отношением к другим национальностям и терпимостью к другим вероисповеданиям* (55% против 31%) [1], что *свидетельствует о наличии латентной напряженности в среде учащейся молодежи вне зависимости от национальности именно по конфессиональному критерию.*

Для измерения уровня негативных установок в отношении самых крупных конфессий России, включая христианство (католики и протестанты), Русскую православную церковь и ислам, мы сформулировали несколько утверждений, которые респондентам необходимо было оценить по 4-балльной шкале, где 1 ставилось варианту «недопустимо», а 4 – «допустимо». Варианты распределились следующим образом. **Негативное отношение к христианству** – 24%, **негативное отношение к Русской православной церкви** – 23%, **негативное отношение к исламу** – 17% [1].

Фиксируемое негативное отношение к христианству и исламу, с большой долей вероятности связано с сильными позициями неоязычества, фиксируемое практически во всех регионах, где проводились опросы по программе мониторинга.

Под «славянским язычеством» в виртуально-сетевом пространстве понимается не *историческое славянское язычество*, существовавшее в реальности и оставившее о себе упоминания в незначительно числе письменных источников, минимальном количестве археологических артефактов и *пережитков* – следов и остатков языческого прошлого, собираемых этнографами XIX-XX вв. на северных и южных территориях нашей страны, а *неоязыческая антиисторическая доктрина, опирающаяся в числе прочего и на некоторые элементы неонацистской идеологии* [16]. В качестве источников значительной частью неоязычников используются псевдоисторические тексты, признанные в России экстремистскими и внесенными в Федеральный список экстремистских материалов (далее ФСЭМ) – «Велесова книга» (*запись во ФСЭМ № 1493*) и «Славно-Арийские Веды» (*запись во ФСЭМ № 3353*). Хотя, справедливости ради стоит отметить, что часть неоязычников не признает эти тексты историческими источниками и опирается на исследования советских и российских археологов и историков, занимающихся проблемами восточнославянского язычества, а кроме этого пытается анализировать письменные, археологические и этнографические данные, имеющиеся в распоряжении современной науки [16].

Неоязычество современной России неоднородно, фрагментировано, не имеет единого руководящего центра, а также устоявшейся научно отрефлексированной религиозно-исторической доктрины, включающей в себя перечень почитаемых языческих богов, используемой символики, научно взвешенной оценки роли исторического язычества в жизни древнерусского государства и общества, отношения к другим вероисповеданиям и, в первую очередь, христианству [16]. Образованная часть современных неоязычников осуществляет активную сетевую деятельность и понемногу выходит в общество со своими запросами, требованиями и претензиями. В виртуальном пространстве их усилиями создано несколько сайтов, а также группа во «ВКонтакте», объединяющая более 11000 человек. На этих ресурсах публикуются данные о судебных процессах в отношении неоязычников, которые оцениваются как необоснованные и ангажированные. Предлагается предавать суть уголовных и административных дел огласке и активно распространять по сетям эту информацию [16].

В силу отсутствия у неоязычников единой организации и универсальной религиозно-исторической доктрины существует спектр идей – от претендующих на историческую достоверность, до радикально-экстремистских. Для достижения поставленной цели нам интересен перечень идей псевдоисторической деструктивной направленности, поскольку именно носители этих взглядов становятся объектами уголовных и административных дел за возбуждение вражды и ненависти по этноконфессиональному признаку, публичному демонстрированию запрещенной символики и реабилитации нацизма [16].

Тот сегмент неоязычников, который является носителем деструктивно-экстремистских взглядов, крайне негативно воспринимает евреев, считая их оккупантами русских земель и поработителями славян – детей богов. Согласно их представлениям, для решения этих задач евреи использовали придуманную ими «деструктивную технологию» – христианство, позволившую перепрограммировать сознание язычников – «детей богов» на христианскую мировоззренческую матрицу – «рабов божьих». Изменение структуры сознания позволило подчинить восточных славян и «поработить Светлую Русь» на длительный исторический период, продолжающийся до сих пор [16]. К христианству неоязычники также относятся крайне негативно, воспринимая его как инструмент подчинения и угнетения, находящийся в руках правящей верхушки современной России, представляющей в своем большинстве еврейский народ, и используемый в отношении потомков славян-язычников, составляющих большинство рядовых граждан страны. Негатив к христианству породил такое деструктивное явление, как *неоязыческий терроризм*, направленный против Русской православной церкви и священнослужителей и периодически воплощающийся на практике [16].

Их антисемитизм имеет прямой выход на идеологию национал-социализма и персону Адольфа Гитлера, позитивно оцениваемого лидерами и идеологами неоязыческих организаций, часть из которых признана в России экстремистскими и запрещена («*Mad Croud*», «*Боевая террористическая организация*», «*Северное братство*» и др.). Гитлер оценивается как политик, проводивший «высокоэффективный» курс национальной политики в Третьем Рейхе, направленный на поддержание высоких статусных позиций «коренных жителей» Германии и максимальное снижение статуса «неполноценных народов» [16].

С неоязычеством тесно связана идеология *национализма*, симпатии к которой имеют тенденции к росту. Существуют две основные националистические парадигмы, первая из которых называется *государственным национализмом* и ориентирована на активное конструирование нации, под которой понимаются граждане России или россияне. Вторая парадигма называется *этническим национализмом* и акцентирует внимание на интересах и потребностях одной национальности, игнорируя интересы остальных, а зачастую пропагандируя идеи превосходства над остальными, ущербными национальностями [16].

По данным опросов в Северо-Западном федеральном округе осенью 2019 г., положительное отношение к «славянскому язычеству» фиксировалось на уровне 65% [1]. Расчет корреляций показал наличие устойчивой взаимосвязи между индикаторами «*Негативное отношение к христианству*» и «*Положительное отношение к славянскому язычеству*», составив 0,55 [1]. Эти результаты интерпретируются следующим образом: чем лучше опрошенные относятся к «славянскому язычеству», тем хуже относятся к христианству.

Исходя из полученных результатов, **профилактическую работу в молодежной среде необходимо осуществлять в первую очередь в направлении формирования конфессиональной терпимости**, разрушая сложившиеся под влиянием циркулирующего в виртуальном пространстве огромного массива фэйковой информации, мифы и стереотипы в отношении ряда традиционных для России конфессий. Кроме этого, *при информационно-профилактической работе необходимо делать упор на исторический анализ современного «славянского язычества», раскрывая его псевдоисторическую суть, развенчивая мифы, сложившиеся относительно «славянской языческой символики», включая коловрат, «квадрат Сварога», обычные нацистские свастики и сходные с ними до степени смешения. Кроме этого, с опорой на исторические источники необходимо показать ту сторону язычества, которую пропагандисты скрывают, а именно – человеческие жертвоприношения, фиксируемые археологами при раскопках курганов, а также отраженные в исторических документах – Повести временных лет и Записках о путешествии на Волгу ибн Фадлана.*

Подводя итоги, можно отметить следующее:

Часть опрошенных респондентов затруднилась идентифицировать свою конфессиональную принадлежность, что дает нам основания констатировать незавершенность процессов формирования конфессиональной идентичности респондентов. А это, в свою очередь, делает их легкой добычей разного рода вербовщиков деструктивных религиозных организаций, поскольку их сознание представляет собой «чистую доску», на которой можно писать все что угодно.

В молодежной среде диагностируется *латентная межконфессиональная напряженность при сохранении довольно высокого уровня толерантного отношения к лицам иной национальности.*

В отношении христианских конфессий и ислама диагностируется определенной негативный фон, обусловленный, с большой долей вероятности, устойчивыми и прочными позициями неоязычества, являющегося питательной основой для основной части экстремистских проявлений, включая национализм, национальную и конфессиональную нетерпимость, положительное отношение к Адольфу Гитлеру и его соратникам, а также нацистской символике.

С учетом полученных результатов профилактическую работу необходимо осуществлять в направлении формирования конфессиональной терпимости, разрушая сложившиеся мифы и стереотипы в отношении ряда христианских конфессий и ислама, а также раскрывая псевдоисторическую сущность «славянского» неоязычества.

Источники и литература / Sources and references

1. Материалы анкетного опроса учащейся молодежи Северо-Западного федерального округа. Октябрь–ноябрь 2019 г. – 3028 анкет.
2. Материалы анкетного опроса учащейся молодежи Кемеровской области. Ноябрь 2018 г. – 1110 анкет.
3. Материалы анкетного опроса учащейся молодежи Республики Алтай. Октябрь 2018 г. – 1226 анкет.
4. Материалы анкетного опроса учащейся молодежи Челябинской области. Октябрь 2018 г. – 1912 анкет.
5. Аничков Е. В. Язычество и древняя Русь. Репринтное издание. – М., 2003. – 440 с.
6. Димаев А. Р. Миграция населения как фактор этноконфессиональной напряженности в российском обществе // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: социология. – М., 2009. – С. 76–81.
7. Луценко О. А. Причины возникновения этноконфессиональной напряженности в современной России // Политическое регулирование региональных этноконфессиональных отношений: особенности, новации, перспективы: сборник научных статей по материалам третьей Международной научно-практической конференции. – 2016. – С. 108–111.
8. Маткаримова Г. В. Динамика развития этноконфессиональной напряженности в столичном мегаполисе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – М., 2015. – С. 136–146.
9. Маткаримова Г. В. Методологические основания снижения этноконфессиональной напряженности в столичном мегаполисе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – М., 2014. – С. 85–93.
10. Примаков В. Л., Андержанова Г. В. Методика измерения этноконфессиональной напряженности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – М., 2013. – С. 172–181.
11. Примаков В. Л., Андержанова Г. В. Этноконфессиональная напряженность как социокультурный феномен // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – М., 2012. – С. 207–223.
12. Примаков В. Л., Маткаримова Г. В. Сравнительный анализ этноконфессиональной напряженности в Москве и других европейских столицах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – М., 2014. – С. 157–164.
13. Примаков В. Л., Образцов И. В., Маткаримова Г. В. Этноконфессиональная напряженность в Российской Федерации: опыт социологического изучения и анализа. – М., 2014. – 118 с.
14. Рогочая Г. П. Становление национально-культурных автономий как фактор снижения этноконфессиональной напряженности // Европа-Россия-Азия: диалог континентальных культур (история, право, гражданское общество, геополитика): сборник материалов V-й и VI-й всероссийской научно-практической конференции. – Иркутск, 2015. – С. 195–202.
15. Тараканов О. В., Новиков Е. И. Модель краткосрочного прогнозирования этноконфессиональной напряженности в субъектах РФ // Информационные системы и технологии. – Омск, 2009. – С. 60–68.
16. Шиллер В. В. Фальсификация истории восточнославянского язычества как инструмент реабилитации нацизма // Проблема фальсификации истории и реабилитации нацизма: сборник материалов II Международной научно-практической конференции (Кемерово, 20 ноября 2020 г.) – Кемерово: КемГМУ, 2020. – С. 71–81.
17. Шиллер В. В., Вольхина В. А. Концепция регионального мониторинга экстремистских проявлений: перспективы практической реализации в Кемеровской области // Политические институты и процессы. 2015. № 2. – С. 44–56.

Информация об авторах:

Шиллер Вадим Викторович, к.и.н., доцент кафедры истории Кемеровского государственного медицинского университета. E-mail: shiller.vadim@yandex.ru.

Валиуллина Евгения Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психиатрии, наркологии и медицинской психологии Кемеровского государственного медицинского университета. E-mail: valiullinajv@ya.ru.

Боровикова Злата Владимировна, к.и.н., доцент кафедры истории Кемеровского государственного медицинского университета. E-mail: bzлата2008@rambler.ru.

Authors information:

Shiller Vadim Viktorovich, Ph.D of Historical Sciences of the Department of History of Kemerovo state medical University. E-mail: shiller.vadim@yandex.ru

Valiullina Evgeniya Viktorovna, Ph.D of psychological sciences, associate Professor of Department of psychiatry, narcology and medical psychology of Kemerovo state medical University. E-mail: valiullinajv@ya.ru.

Borovikova Zlata Vladimirovna, Ph.D of Historical Sciences, associate Professor of the Department of history of Kemerovo state medical University. E-mail: bzлата2008@rambler.ru.